

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2018, №4, Том 9 / 2018, No 4, Vol 9 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2018.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/10KLSK418.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Лаврикова И.Н. Политический праздник: манипулятивный потенциал // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2018 №4, <https://sfk-mn.ru/PDF/10KLSK418.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Lavrikova I.N. (2018). Political holiday: manipulative potential. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 4(9). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/10KLSK418.pdf> (in Russian)

УДК 13

ГРНТИ 13.11.25

Лаврикова Ирина Николаевна

ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»
Тверской филиал, Тверь, Россия

Доцент кафедры «Правовой и гуманитарной подготовки»
Доктор культурологии, кандидат философских наук, доцент

E-mail: ilavrikova@rambler.ru

РИНЦ: http://elibrary.ru/author_profile.asp?id=363878

Политический праздник: манипулятивный потенциал

Аннотация. Все, что происходит в сфере российского праздника сейчас является результатом «праздничного голода». Важно знать, что праздник – это хороший диагност, который свидетельствует о болезнях общества. Почему бы не сделать выводы из исторического прошлого, чтобы данный элемент культуры возродить и использовать по назначению в полной мере? Природа феномена такова, что, родившись на заре человеческой культуры, он становится такой частью нашей жизни, которая не умрет до тех пор, пока будем жить мы...

Кроме того, по мнению автора, праздник – мерило человечности и один из источников упорядочивания бытия: переживая упадок в отдельные периоды истории, он не исчезает совсем, более того, считается наиболее древним из постоянно воспроизводимых. Сведения об интересующем нас феномене разнообразны, однако, полных ответов на такие серьезные вопросы, как: сущность праздника, его социальная и политическая значимость, связь с другими сторонами общественной жизни и т. п., учеными пока еще не найдено. Кроме того, известные культурфилософские концепции до сих пор не имеют сколько-нибудь обоснованной методологии изучения феномена. По мнению автора работы, внимание к празднику как самостоятельному институту способствует не только сохранению опыта прошлого, но и прогрессу современных праздничных отношений.

Ключевые слова: власть; досуг; идеология; казнь; культура; методология праздника; политическое; общество; смех; элемент культуры

Результаты изучения [1, с. 5] праздничного опыта России последних двадцати лет позволяют мне, как современнику и участнику происходящего, констатировать, что современная российская правящая элита, понимая важность праздничных отношений (особенно в условиях демократических реформ), не может выработать подходы для урегулирования, упорядочивания связей внутри праздничной системы, неотъемлемой и столь

значимой в жизни каждого человека. Огромная ниша современной российской праздничной культуры [2, с. 5], нередко заполняется непродуманно: причины поприрадовать множатся с невероятным энтузиазмом. Власть прекрасно понимает идеологический и манипулятивный ресурс феномена, особенно в части действия зрелищного и массового.

Полагаю необходимым констатировать, что в современной нам России к историческому, в том числе и праздничному, наследию должного уважения не наблюдается: празднующие смутно представляют основания действия (и из прошлого, и узаконенного недавно), в котором принимают участие; порой, откровенно нарушается порядок ритуалов и традиций, непрофессионально встроенных в ход праздничной кампании. Примеров тому, к искреннему сожалению, предостаточно. Скажем, Прощеное воскресенье умудряются сочетать с масленичными гуляньями; обрядовость свадеб совершенно утеряна и «правильные» свадьбы удается посмотреть лишь в специальных культурных центрах, к сожалению, имеют место процедурные упущения и недоработки во вновь создаваемых праздниках (например, «День матери», «День Неизвестного солдата» и др.).

Предлагаю подробнее остановиться на ситуации зарождения «праздничного голода» [2, с. 5], когда в момент становления молодой страны на поверку оказалось, что праздников явно не хватает¹, их мало (в сравнении с бывшими в царской и советской России), кроме того, они неравномерно распределялись по годовому кругу, чувствовалось отсутствие разнообразия, а также наличие уважаемых, всенародных праздников. На этом фоне огромное количество людей разных вероисповеданий и национальностей стали интересоваться праздниками прежними, традиционными – светскими и религиозными, их стали пытаться возрождать и вводить в современную жизнь. При этом, подчас вовсе не имея никакого представления о том, как и почему проходил тот или иной праздник, каковы были его местные, временные, конфессиональные особенности, что в нем изначально, исконно, а что привнесено в более поздний период.

Сделаем небольшой экскурс в наше историческое прошлое, когда плавно, как бы «обрастая» элементами массового зрелища, праздник XVI-XVII века постепенно становился временем пира [3, с. 242-243]. Правила русского законодательства в этот момент запрещали трудиться, но простой народ работал и по воскресеньям, и по господским праздникам, а затем «дочитывал» праздник пьянством. К сожалению, до сих пор русский народ считает именно так: «Кто празднику рад, тот до свету пьян».

Далее, «век играющий» – XVIII. В это время Российская государственная система начала активно использовать позитивный, с ее точки зрения, и многократно апробированный опыт массовых празднеств и зрелищ Древнего Рима. Праздник стал объединять огромное число людей, представляющих все сословия, многие местности и национальности; радостное гулянье, несомненно, вбирало в себя традиционную множественность, разнообразие бытийного и культурного. Мнение Екатерины, что «народ, который поет и пляшет, зла не думает», стало руководством к действию русского высшего дворянства; народные гулянья стали необходимой частью городского уклада жизни, а их посещение – демонстрацией правил хорошего тона.

Задумывались ли вы над вопросом: «Почему у русских карнавал не прижился в том виде, в каком он существует до сих пор в ряде стран Европы»? Почему мой народ так категорически отрицает маски? Почему у него нет желания, даже коротко, пользуясь ситуацией, попробовать

¹ Действительно, в «запале» перестройки и переоценке собственной истории большинство россиян стали вычеркивать из своей жизни праздники советские, буквально, «замешанные» на идеологическом, и поэтому «странным образом похожие друг на друга». Люди стали вольно или невольно освящать то, от чего раньше открещивались.

«вкус» иной статусной роли, дабы углубиться в ее суть? Очевидно, причиной тому – житейские опыт и смысл...

Вновь предлагаю вернуться в историю. Отмечу, особенно после восстания декабристов начинают усиленно культивироваться общественные развлечения с балаганами, каруселями, бесплатными угощениями по случаю царских юбилеев и т. д. Естественно, заигрывание с народом преследовало определенные цели: праздник, контролируемый «по указанию свыше» стал средством обуздания страстей и воспитания народа. К тому же в сферу искусства «внедрилась» коммерция, в результате наряду с высоким и талантливым пришло пошлое и безнравственное, с остросатирическим – беззубое и безыдейное.

Известно, что «снятие» общественной активности второй половины XIX века обошлось правительству ценой значительных усилий. В сложившейся ситуации была поставлена конкретная задача: «...общественную инициативу, общественные страсти, стихийно сформировавшиеся в тот момент, увести в безопасное для себя русло» [4, с. 114]. Акцентируем внимание на том, что для ее решения был активно использован именно праздник и сопутствующие ему развлечения.

Вот что об этом писал В.А. Слепцов: «...Благодаря благоразумным мерам, ... наша публика решительно не имела времени скучать... чему немало способствовало удешевление спиртных напитков и чрезмерное увеличение числа питейных заведений... Были приняты энергичные и деятельные меры, состоящие в том, чтобы приискать по возможности развлечения и для низшего класса общества... Для этой цели вновь введены были запрещенные прежде некоторые публичные игры и лотереи... Народ пьянствовал, смотрел на паяцев, на зверей и на катающихся господ и затем ночевал в части» [5, с. 361-365]. Полагаем, стилистика русского праздника, впрочем, как и у любого другого народа, имеет собственную специфическую окраску: к сожалению, алкогольная пандемия, спустя сотни лет, остается явлением сверхактуальным.

Примечателен и тот факт, что, как только крепло оппозиционное настроение к власти, то народные гулянья особенно в столичных городах властью немедленно запрещались; массовые публичные мероприятия становились дополнительным средством консолидации революционного настроенных масс. Сама история свидетельствует, что праздник реально действует как инструмент социального единения.

Полагаю, подобный прием многократно выверен: именно в переломные моменты праздник становится, прежде всего, реальным средством общественного единения, выгодной «площадкой» для агитации, мобилизации к совершению чего-то нового, непременно лучшего. Сама ситуация эмоциональной приподнятости, состояние праздничности становится катализатором для таких актов. Подвергаемые цензурному контролю, запретам, оттесняемые с удобных, давно освоенных мест, гулянья затихают, сокращаются и в начале XX века, по существу, прекращают свое существование, чтобы возродиться вновь и в ином виде на волне победы Октябрьской революции 1917 года.

Меняется власть, претерпевает изменения институт праздника. «Социалистический образ жизни существенно влияет на изменение содержания празднования, которое отражает новые процессы, происходящие в обществе», – читаем мы у А.В. Бенифанда [6, с. 71]. Советская власть, признавая силу влияния праздничных мероприятий на общественное сознание, использует их в качестве эффективного манипулятивного средства в деле воспитания политической культуры граждан.

Чтобы усилить аргументацию тезиса о празднике как «канале манипуляции», предлагаю обратиться к работе Д.М. Генкина [7, с. 34-37, 54-69, 95], которая в моем представлении есть четко проработанная инструкция для управления массами народа, которые собраны в момент празднования не только для того, чтобы отвлечься от трудовых будней (что составляет

основную цель праздника), а во имя решения определенных, порой, умело скрытых задач организаторов.

Очевидно, поэтому представляется важным выделить факторы праздничности, которые включают в себя:

1. проживание личного соучастия;
2. искреннее желание общаться;
3. эмоциональная настроенность, порожденная социальной восторженностью.

Несомненно, что состояние праздника зависит от степени соответствия указанным факторам, поскольку по ним он живет. Одним, пожалуй, определяющим событием такого рода является готовность массы, ведь «без ее встречного праздничного порыва любые, даже самые великолепные планы устроителей обречены на неудачу». Несомненно, по законам жанра желательно добиваться такого состояния, когда участвующие в торжестве, становятся «органической частью данной общности» с одинаковым реагированием на внешние информационные сигналы. Подобная намеренная синхронизация позволит «опираться не столько на индивидуальность каждого, сколько на типичное и общее, что отличает конкретное объединение людей» [7, с. 69].

По Д.М. Генкину, праздник нужно обязательно организовывать, создавать, «сделав это умно, красиво, тонко». В связи с этим, вполне закономерно встает вопрос о специальной профессиональной подготовке режиссеров-организаторов массового праздника, «ибо праздник в нашей стране является важным государственным делом» [7, с. 136].

По моему мнению, выводы, сделанные Д.М. Генкиным, еще раз доказывают, насколько необходима и существенна связь «эстетическое – политическое» в структуре всякого, в том числе и политического², праздника. Влияние данной связи в XX-XXI вв. актуализируется чрезвычайно, так как артизированное сознание, порожденное индустриализацией и научно-техническими переворотами, срабатывает специфическим образом, что выражается в смене приоритетов восприятия. Для носителей такого сознания, коих в современном мире, в том числе и в России, основное большинство, наиболее значимым, выпуклым, заметным при решении различных проблем становится преимущественно то, что имеет эстетическую природу. Исследуя политическое влияние праздника, представляется крайне важным учитывать, так как эстетизация свободного времени граждан – это одна из первостепенных в перечне задач, возникающих перед организаторами публичных мероприятий. В этой связи объяснимо почему, организуя общественный досуг (независимо от уровня объединения – класс, сословие), представляющие власть используют рекомендованные специализированной гигантской индустрией – индустрией красоты, тщательно апробированные, профессионально внедренные эстетические стандарты, которые, будучи включенными в праздничную систему, активно работают на отведенном им пространстве, таким образом, принимая участие в деле воспитания гражданина. Последнее обстоятельство – воспитание человека – представляло и представляет задачу государственной важности, которая не оставляет равнодушной любую власть, вне зависимости от времени и географии страны или ее политической системы.

Если говорить о праздниках постперестроечной России, то, в данном случае, наблюдается откровенный организационный регресс. Вынуждена констатировать, что на складывающуюся ситуацию влияет ряд причин, среди которых реформирование в системе образования и науки, нерешенные проблемы в молодежной политике, низкие доходы многих групп населения («на голодный желудок не повеселишься, ну, разве только выпьешь»),

² О природе политического праздника более подробно см: Лаврикова, И. Политический праздник в системе культуры: Научная монография / И.Н. Лаврикова. – 2-е изд., доп. – Тверь, 2013. – 242 с.

снижение коммуникативных стандартов и многое-многое другое. В подобном случае убеждаемся вновь, что праздник – это система узловая, концентрирующая на себе входы со стороны значительного количества сфер общественной жизни. Такова природа любого праздника: состояние пограничья с другими феноменами человеческого бытия, очевидно, резко как бы «обнажается» при «выпадении» из будничного времени, при этом обнажается и само общество, данный праздник создающее. Невольно проглядывает аналогия с известной поговоркой: «Покажи мне, что и как ты празднуешь, я скажу кто ты».

По моему мнению, тем, кто создает современные праздники политического характера не всегда удается достичь желаемого эмоционального накала, который можно было наблюдать (теперь уже в документальной хронике) в символических шествиях и демонстрациях времен Советского Союза.

В этой связи берусь проанализировать «картинки» столь популярного сейчас в России «Дня города», в данном случае города Твери; сразу замечу, что обозначенные «Дни» из года в год проходят крайне однотипно. Начнем с того, что идея, способная объединить большое количество людей (то есть идея близкая и понятная большинству), выражена неясно, как бы притушена. Праздник выглядит так, что человека, настроенного на праздничность, явно или скрыто концентрируют на еде и напитках, которые превращаются в «ключевое основание» или источник радости и наслаждения³.

Берусь выделить социальные составляющие такого мероприятия. Итак, «празднующая масса»: во-первых, это сосредоточенно жующая толпа, которая наблюдает, как правило, за профессиональными артистами; во-вторых, небольшие группы из подростков или членов какой-нибудь семьи бродят по территории «праздничных продаж» и, отоварившись едой, примыкают к наблюдающей толпе; в-третьих, хаотически перемещающиеся граждане в поисках «чего-нибудь необычного»; будучи разочарованными похожестью режиссерских «ходов», эти люди очень скоро покидают «поле битвы за счастье», потому что не получают ни радости, ни счастья от происходящего...

Сделаю отступление, попробовав разобраться, каким же образом массовые российские современные праздники реализуют коммуникативную функцию. Очевидно, упразднение данной функции привело бы к тому, что даже самый нетребовательный и необразованный индивид задался вопросом: «А где же праздник?». Что же предлагается взамен? Коммуникация реализуется, но, и праздник становится огромной столовой, где все присутствующие в едином порыве жуют.

В таком случае на вопрос: «Возможно ли посредством массового праздника решать политические и идеологические задачи?», – отвечаю утвердительно. И, если сейчас праздник становится механизмом намеренного отвлечения от возможности «прорепетировать» иные, возможно более совершенные отношения, то праздничная история времен СССР имеет совершенно иные основания. Не будем идеализировать происходящее тогда, но сказать следует, что отношение к праздничному виду коммуникации на основании многочисленных архивных свидетельств (фотографии, документальное кино и пр.) дает возможность охарактеризовать его как равнодушно-пристальное. Более того, рекомендации по управлению праздничными мероприятиями тщательно прорабатывались как на страницах документов правящей партии, так и в учебниках по подготовке организаторских кадров. Подобное небезразличие к массовому празднику еще раз доказывает его действенность в

³ «День города» плавно перерастает в праздник «Публичной столовой под открытым небом». Что касается других праздников, по моему мнению, большая часть россиян имеет что-то вроде сезонного обязательного (или доступного?) праздничного меню. Например, мандарины и оливье сопровождают зимние праздники, блины – основа стола на праздниках весной, мороженое и окрошка выставляются летом, ну, а, что поесть (или только выпивать) в «День народного единства» еще никто не понял, или не назначил, или не решил.

формировании «правильного» мировоззрения, «нужных» идеологических установок и этических стандартов.

В заключении замечу, что праздник, особенно массовый, имеет колоссальное политическое значение: его корректируют в свете политических и идеологических оснований, как бы подстраивают (или настраивают) под желаемые ориентиры и цели. Будучи механизмом, тонко устроенным, институт праздника меняется так, что по его переменам становится возможным судить о социально-политических приоритетах любого государства. В этой связи, организаторам праздника крайне важно понять, что репетируется лишь сценарный «остов», а весь праздник, как система, «пишется набело» и его не переиграть; ощущение от невозникшей радости или от непережитой, но ожидаемой праздничности по поводу конкретного *со-бытия*, в таком состоянии в памяти сохраняется навсегда.

В силу особой устроенности праздничной системы, необходимо говорить и о невозможности абсолютного регулирования и контроля за развитием действия. При этом, образование и культура остаются важнейшими каналами, через которые правящие элиты напрямую влияют на состояние праздника; управляя этими институтами, они добиваются необходимого эффекта и от праздничных кампаний.

В заключении отмечу, праздничные отношения потому до сих пор и существуют в разряде самых востребованных человеческих отношений, поскольку в их природе содержится внутренний механизм охранения или самозащиты. Видимо поэтому, всякая манипуляция над праздником и праздничностью, каким бы мощным арсеналом воздействия она не обладала, исказить природу праздника не может: она отторгается особым внутренним ресурсом. Как уже отмечалось выше, даже несмотря на то, что предмет или сценарий предлагаемого обществу торжества не всегда разработан корректно, праздник, как институт культуры, возрождается вновь и вновь, переживая и неудачи, и запреты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лаврикова, И.Н. Политический праздник: культурфилософский анализ: дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01 / Лаврикова Ирина Николаевна. – М., 2015. – 309 с.
2. Некрылова, А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Конец XVIII-XX века / А.Ф. Некрылова. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 256 с.
3. Костомаров, Н.И. Очерк о домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях / Н.И. Костомаров. – М.: Республика, 1992. – 303 с.: 1 л. портр. – (Летописцы Отечества).
4. Мазаев, А.И. Праздник как социально-художественное явление / А.И. Мазаев. – М.: Наука, 1978. – 392 с.
5. Слепцов, В. Неизвестные страницы / В. Слепцов. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 547 с.
6. Бенифанд, А.В. Праздник, сущность, история, современность / А.В. Бенифанд. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. – 144 с.
7. Генкин, Д.М. Массовые праздники / Д.М. Генкин. – М.: «Просвещение», 1975. – 140 с. с ил.
8. Канетти Э. Масса и власть. Пер. с нем. и предисл. Л. Ионина. М., AD MARGINEM, 1997. – 528 с.
9. Финк Е. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и послесл. П.С. Гуревича. – М.: Прогресс, 1988. – 552 с.
10. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. – М., Касталь, 1996. – 448 с.

Lavrikova Irina Nikolaevna

Moscow university of the ministry of internal affairs of the Russian Federation of V.Ya. Kikotya
Tver branch, Tver, Russia
E-mail: ilavrikova@rambler.ru

Political holiday: manipulative potential

Abstract. Everything that occurs in the sphere of the Russian holiday now is result of "festive hunger". It is important to know that the holiday is a good diagnostician who testifies to diseases of society. Why not to draw conclusions from the historical past that this element of culture to revive and use for designated purpose fully? The phenomenon nature such is that having been born at the beginning of human culture, it becomes such part of our life which will not die until we live...

Besides, according to a dissertation research of the author, holiday is a criterion of humanity and one of life ordering sources. Enduring decline for some periods of history, it does not disappear altogether; moreover, it is considered to be the most ancient of constantly reproduced sources. Data on the phenomenon of interest are various. However, comprehensive answers to such issues of importance as essence of holiday, its social and political significance, communication with other aspects of public life, etc., have not still been found by scientists. Besides, the known cultural and philosophical concepts still have no well-reasoned methodology of the phenomenon studying. According to the author of the thesis, the attention paid to holiday as independent institution promotes not only preservation of experience of the past, but also the modern festive relations progress.

Keywords: power; leisure; ideology; execution; culture; holiday methodology; political; society; laughter; culture element

REFERENCES

1. Lavrikova I.N. (2015). Politicheskiy prazdnik: kul'turfilosofskiy analiz. [*Political holiday: cultural and philosophical analysis.*] Moscow, p. 309.
2. Nekrylova A.F. (2004). Russkie narodnye gorodskie prazdniki, uveseleniya i zrelishcha: Konets XVIII-XX veka. [*Russian folk urban festivals, amusements and shows: The end of the XVIII-XX centuries.*] Saint Petersburg: ABC Classic, p. 256.
3. Kostomarov N.I. (1992). Ocherk o domashney zhizni i npravov velikoruskogo naroda v XVI i XVII stoletiyakh. [*Essay on the domestic life and customs of the Great Russian people in the XVI and XVII centuries.*] Moscow: Republic, p. 303.
4. Mazaev A.I. (1978). Prazdnik kak sotsial'no-khudozhestvennoe yavlenie. [*Holiday as a social and artistic phenomenon.*] Moscow: The science, p. 392.
5. Sleptsov V. (1963). Neizvestnye stranitsy. [*Unknown pages.*] Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, p. 547.
6. Benifand A.V. (1986). Prazdnik, sushchnost', istoriya, sovremennost'. [*Holiday, essence, history, modernity.*] Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Press, p. 144.
7. Genkin D.M. (1963). Massovye prazdniki. [*Mass holidays.*] Moscow: Education, p. 140.
8. Kanetti Eh. (1997). *Mass and power*. [Russ. ed.: *Massa i vlast'*. Authorized transl. by L. Ionina. Moscow: AD MARGINEM, p. 528.]
9. Fink E. (1988). *The main phenomena of human existence*. [Russ. ed.: *Osnovnye fenomeny chelovecheskogo bytiya*. Ed. by P.S. Gurevicha. Moscow: Progress, p. 552.]
10. Fuko M. (1996). *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let.* [*The will to truth: on the other side of knowledge, power and sexuality. Works of different years.*] Moscow: chernokoren, p. 448.